

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

ДОМ
ДЛЯ ОДИССЕЯ

РОМАН

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *Н. Каптыкиной*
Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.
К61 Дом для Одиссея : роман / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-182059-6

Лиза была уверена, что в ее жизни всё идет слаженно и гармонично. Дом, хорошая работа, красивый гражданский муж, к тому же полностью от нее зависимый. Что еще нужно? Тем неожиданнее, тем страшнее оказалась для нее весть, что ее Леня ходит в чужой дом, к некрасивой, а к тому же обремененной двумя детьми женщине. Чего же хочет этот Одиссей и стоит ли строить из себя Пенелопу?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2023
© Оформление.
ISBN 978-5-04-182059-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЧАСТЬ 1

Лиза

1

Как всегда, утро началось с музыки — громкой, неистойой и в то же время нестерпимо беспомощной, на что она сама казалась обиженной. Торопливые звуки кубарем скатывались по лестнице вниз, из холла второго этажа, где стоял Лёнин рояль, разбивались о стены и залетали к Лизе на кухню, словно ища у нее спасения. Кто это? Кого он сегодня так сердито и страстно исполняет? Шнитке? Губайдулину? Или Шостаковича? Будто огромные валуны сыплются-перекатываются с гор — ужасающая, невозможно-истерическая какофония. В музыке Лиза совсем не разбиралась. Просто чувствовала по ней Лёнино настроение. А оно, судя по всему, было не ахти...

— Принц-то твой нынче не в духах, что ли? Смотри, как наяривает. Осердился на тебя, да? — подтвердила опасения Татьяна, обернувшись от плиты. — Опять, значит, ни завтракать, ни обедать не станет, фыркать начнет.

5

Для кого стряпаю, непонятно! Ты хоть поешь, Лизавета, не сиди сиднем...

— Да ладно, понимала бы чего, — грустно махнула в ее сторону Лиза и лениво ковырнула вилкой остывший омлет в тарелке. В который раз за утро она посмотрела на часы. Однако долго Лёня сегодня играет, а встать и уйти нельзя — обидится. Он же исключительно для нее исполняет эту каменно-неистовую музыку. Садится по утрам за свой «Стейнвей» и демонстрирует ей, благодарной и влюбленной слушательнице, свое душевное настроение. Шесть лет уже демонстрирует. Хотя нет, пожалуй, пять. «Стейнвей»-то она ему только через год их совместного жития купила. Дорогой, зараза. Все сбережения пришлось уgroхать.

Лиза вздохнула: чего это она с утра про деньги? Какая разница, если это для Лёни куплено! Для него вообще ничего не жалко: она и жизнь отдаст, если ему вдруг понадобится, подумаешь. А все потому, что любит безумно.

Иногда ее даже оторопь брала: неужели этот красивый тридцатилетний мужчина-ребенок — ее муж? Он всего-то на шесть лет моложе, а такой по-детски наивный, трогательный и летящий весь, как небесный ангел. Хотя на ангела не похож, конечно. Они белокурые да пухлощекие, а Лёня — смуглый, гибкий, как хлыст, черные кудри до плеч, тонкое лицо с горящими яростью непризнанного гения глазами, эти неизменные белые батистовые рубашки, легкие

кошачьи шаги босыми ногами по коврам. Ее мальчик, ее пианист, ее смысл жизни, ее душа, ее радость. С Лизой действительно происходило что-то непонятное, когда она смотрела на любимого. Будто растекалась вся, подтаивать начинала, и в голове ни единой стоящей мысли не оставалось — сироп только липкий цветочно-сахарный. Кто бы увидел в такие моменты обычно железно-хваткого адвоката Елизавету Заславскую, не поверил бы.

Однако и в самом деле времени-то впритык, уходить пора. А Лёня все играет. Но и Рейчел ждать не будет, не та это клиентка. Американцы ведь пунктуальные такие, черт бы их побрал. Еще истолкует как неуважение к своей драгоценной персоне! Они помешаны на этом как одержимые. Не объяснишь же, что Лиза должна была до конца дослушать, как Лёнины музыкальные валуны сыплются с гор ей на голову. Что ж, надо уходить, так и не дождавшись конца этого обвала и не выразив положенного утреннего восхищения. Придется сегодня ритуал поломать. А что делать? Ну ничего, вечером наверстает.

Вздохнув еще раз, Лиза одним глотком допила кофе, поднялась из-за стола и почему-то на цыпочках пошла в прихожую.

— Твой-то как пить дать осерчает, — уже в спину ей проворчала Татьяна.

— Ну да, и что? А ты возьми да отвлеки его как-нибудь!

— Да где нам, неграмотным, принцев твоих развлекать, Лизавета! Мы больше по хозяйству привычные. Ладно, иди уж, жаль моя...

Домоправительница Татьяна Лёню не жаловала. Сама она была из деревенских и считала его мужичонкой хлипким и женского внимания вообще не достойным, тем более хозяйки своей Лизаветы, бабы, по ее мнению, «справной и шибко уж грамотной». Как Татьяна часто говаривала — сейчас таких в городе много развелось, грамотных-то, а мужики напрочь загибли-измельчали, только и умеют, что за спинами женщин прятаться!

Лиза быстро оделась, открыла дверь, ступила за порог и тут же удивленно распахнула глаза — первый снег за ночь выпал! Она даже замерла на секунду, не решаясь ступить на крыльцо и разрушить аккуратно расстеленное бело-пушистое покрывало. Пахло снегом, первым холодом и еще чем-то мокрым и нежным — зеленой газонной травой, наверное, торчащей из-под снега непокорным и стойким ежиком. Лиза спустилась вниз, осторожно сменя по высоким ступеням крыльца, и быстро прошла к воротам гаража. «Вот и объяснение Лёниной загадочной перемены настроения. Снег выпал, оказывается, — подумалось ей тут же легко и радостно. — Он натура утонченная, все природные явления тут же через себя пропускает. Не то что я, толстокожая. Ничего никогда не чувствую!»

Выезжая за ворота, она еще раз оглянулась на свой дом. Такой родной, надежный, всегда большой, теплый и уютный. Лизе показалось, что, запорошенный сегодня неожиданным ранним снегом, он словно съезжился, или уменьшился в размерах, или вообще вдруг за-капризничал, не желая ее отпускать, и будто заплакал вслед извлекаемыми Лёней из своего «Стейнвея» неистово-беспомощными звуками-всхлипами. Она свой дом очень любила. Он всегда казался ей живым организмом — умел и любить, и сердиться, и бережно хранил в памяти Лизино счастливое детство и такую же счастливую беззаботную юность, и бабушку с дедушкой, и маму с папой. А всякие замечательные переделки-улучшения, которые Лиза затеяла недавно в нем произвести, принимал, казалось, без особого энтузиазма, даже с некоторым недоверием. Хороший дом, родной...

Рейчел уже ждала ее, сидя за столиком в «Атриум-отеле». Наполовину наполненный минералкой стакан одиноко стоял перед ней, как прозрачный укор Лизиной совести. Ну, опоздала немного, что такого. И вообще, что за манера у американцев приглашать друг друга на завтрак? Ерунда какая. Завтрак — вообще дело интимное. Другое дело — обед. А еще лучше — ужин...

— Рейчел, прости, ради бога, я немного опоздала, но это ничего, правда?

Лиза старательно улыбалась и выговаривала трудные английские слова. Она вообще была очень старательной женщиной, любила все делать хорошо и качественно, без помарок и огрехов. Да и старик Заславский, первый ее муж, ныне покойный, долго прививал ей это полезное для адвоката качество, чтоб именно без малейших ошибок. Надо совершенно точно знать, чего ты хочешь от клиента и как правильно себя вести. Лизе казалось, что и с американкой у нее сложились идеальные для адвоката и клиента отношения — деловые, доверительные и чуть-чуть, самую капельку, обаятельно-дружеские.

— Ничего, Элизабет, я даже заказ не успела сделать, — улыбнулась Рейчел своей благожелательной рыхлой улыбкой, отчего ее толстообвислые щеки дрогнули и слегка сдвинулись с места. — Сидела вот, телевизор смотрела. Странные вы все-таки, русские...

Рейчел замолчала и снова рассеянно улыбнулась. Лиза, пытаясь проследить за ее взглядом, обернулась назад и наткнулась глазами на голубой экран стоящего в углу бара телевизора, с которого всю улыбалось в зал развеселое худосочное лицо известного писателя-сатирика с яркими смешливыми глазами. Ну, понятно теперь, откуда ветер дует.

— И этот ваш артист тоже странный — Майкл или Михаэль, забыла фамилию... Ты знаешь, его часто показывают по вашему телевидению!

Слушай, а почему он все время повторяет, что американцы глупые?

— Да не глупые, Рейчел, а тупые... Вернее, это он так говорит, шутит! Таким образом наше плохое высмеивая, понимаешь?

— Нет, не понимаю... А зачем его высмеивать, если оно плохое?

— Чтоб все поняли, что оно и в самом деле плохое, и научились превращать его в хорошее.

— А сразу нельзя?

— Что — нельзя?

— Ну, плохое превращать в хорошее? Без этапа высмеивания? Мне это непонятно как-то. Странные вы, русские. Носитесь со своим плохим, смеетесь над ним. В этом, что ли, смысл вашей загадочной русской души?

— Да, смеемся. И носимся. А что еще остается? Такой вот мы народ, особенный.

— Да ради бога! Будьте особенными, хоть какими! Только вот Дэна жалко.

Рейчел опустила вниз свою некрасивую плоскую голову и сердито заправила за уши тонкие редкие пряди бесцветных волос. Вовсе она не похожа на успешную жительницу Америки. Впрочем, таковой и не была. Она всего лишь жена преуспевающего американца Дейла Мак-Кинли, то бишь образцовая домохозяйка и мать пятерых его детей. Полгода назад, посчитав свою семью все-таки недостаточно полной, супруги решили усыновить русского

ребенка из далекого сибирского детдома, причем выбрали самого что ни на есть доходящего, с таким безысходно-неизлечимым букетом заболеваний, что прописка ему по сибирским детдомам была обеспечена пожизненная. В смысле, на весь его коротенький жизненный срок. Потому как ни одному сиротскому детдому не осилить материальные хлопоты по выезду бедного трехгодовалого Дэна, а по-русски просто Дениски Колюченкова, в заграничные клиники на многочисленные необходимые ему лечения да операции. Так что повезло, можно сказать, мальчику вместе с его врожденной некомпенсированной гидроцефалией, перинатальной гипоксией, дистрофией, рахитом и еще всяким прочим местом, вместе взятым. Именно к нему прикипели вдруг души многодетных состоятельных американцев Дейла и Рейчел Мак-Кинли. Именно ему супруги захотели восстановить здоровье и дать счастливую жизнь, разделив с ним то, что сами имеют. Они с воодушевлением, следуя всем нашим положенным законам и инструкциям, обратились в областной суд этого большого сибирского города с заявлением об усыновлении Дениса Колюченкова. Да только не тут-то было...

Не растрогали нашего судью ни намертво прикипевшие к мальчику души американских усыновителей, ни их семейное многодетное положение, ни их стремление помочь болезненному маленькому доходяге, ни уж тем бо-

лее распрекрасное материальное положение. Подумаешь, президент компании «Миллениум Гэс Сервисиз» мистер Мак-Кинли — что из этого? Подумаешь, владелец контрольного пакета акций. И не важно, что имущество у семьи на три миллиона долларов тянет, что дом свой собственный трехэтажный в Калифорнии имеется. И вообще, нечего тут при таких богатствах наших брошенных несчастных детей усыновлять! Непонятно потому что, сомнительно...

В общем, получили супруги полный от ворот поворот. А в решении судья свой отказ мотивировал вполне грамотно, то есть, конечно же, обошелся сушей формальностью — не соблюдены были, мол, нашими российскими чиновниками от опеки сроки для занесения Дениса Колюченкова в базу данных о детях, оставшихся без родительского попечения. Хорошая подушка для такого рода дел — ее величество формальность! Упал на нее и спи спокойно. И вашим и нашим за копеечку спляшем. Вот тут бы в самый раз «вашим», то есть возжелавшим законного усыновления американским супругам, гордо развернуться да уехать обратно в Америку несолоно хлебавши к оставшимся пятерым детям и миллионному имуществу, да они вдруг сопротивляться решили. Не хватило, говорят, духу, чтоб Дэна одного здесь оставить. Неходячего, неприятного и несчастного, водянисто-большеголового и пузато-ра-

хитичного, который уже и улыбаться им начал, узнавая, и кривые худосочные ручки тянуть из кровати навстречу.

Так они и вышли на Лизу, то есть на адвоката Елизавету Заславскую, которая от имени своих заявителей опротестовала решение местного суда в более высокие инстанции и через неделю должна была отбыть в Москву для присутствия на новом судебном заседании, самом последнем, все решающем. Собственно, по этому поводу они и встретились за завтраком, а не только чтобы вместе съесть яичницу и выпить по чашке кофе.

— Дэна и мне жалко, Рейчел, — грустно опустила голову Лиза, продолжив после тяжелой паузы разговор. — Он не виноват, что родился у такой матери, которая его в роддоме оставила, пила-курила всю беременность, да еще и сифилисом болела. Видно, судьба у него такая, что делать...

— Да при чем тут это? А мы с Дейлом для него что, не судьба? Нет, все-таки я никак не могу понять, почему нам отказали в усыновлении! Непонятная какая-то русская гордость: пусть плохое, но наше? Никому не отдадим? Так получается? А как же тогда с вашим Достоевским быть? Ведь именно он сказал, что ничего в мире не стоит одной слезы ребенка.

— Ну а при чем тут Достоевский, Рейчел! И нашего судью можно понять, который вам отказал. В то время как раз по каждому телеви-

зионному каналу транслировали те ужасные события в каком-то вашем штате, помнишь? Когда усыновленного русского мальчика приемная мать убила только за то, что он молился неправильно или не слишком усердно. А она, между прочим, тоже ребенка из детдома нашего города усыновила. Знаешь, как у нас пресса любит пошипеть на ваши такие вот дела? Бедному судье тогда по полной программе от журналюг досталось за то, что он то усыновление узаконил...

— Господи, ну что ты такое говоришь! Как будто у вас таких случаев не бывает! Да сколько угодно! Просто свой грех не так воспринимается, как чужой. Люди — они же всякие: и у вас плохие есть, и у нас. Только усыновление тут при чем? У материнства национальности нет! Нельзя же сказать, что американка плохая мать, а русская хорошая. Да мы и не против — контролируйте нас хоть каждый день, мы же на все согласны и справки все предоставили...

Справок в этом деле и правда скопилось много. Даже чересчур. И переписки всяческой. Пухлый такой, увесистый том составляло это дело. Здесь были и письма родственников Дейла и Рейчел, характеризующие их как добрых и порядочных родителей, и письма от пятерых детей, с воодушевлением ожидающих нового брата, и справки, что медицинский диагноз Дениса детям усыновителей и всем родствен-

никам известен, и справки по результатам криминальной проверки, подтверждающие, что супруги Мак-Кинли не совершали никогда и ни при каких обстоятельствах противозаконных действий, и справки, что усыновители и их дети находятся в хорошем физическом и психическом состоянии. Мало того, в деле имелось письмо-ходатайство от врачей больницы, где лечился Денис, с настоятельной просьбой о разрешении усыновления ребенка, поскольку уж кто-кто, а люди в белых халатах понимали, что для мальчика это единственный шанс еще пожить в этом мире, поскольку он в него таким горестным образом пришел. Но что толку от этих справок и писем — никто их особо не читал. Перестраховался судья, отказывая американским супругам в усыновлении. Мало ли как все повернется да как на это решение общество посмотрит? Благо формальные основания для отказа под рукой оказались — спасибо нерадивым чиновникам от опеки, пропустившим срок для внесения документов по несчастному Денису Колюченкову в базу данных для усыновления.

Ничего этого Лиза вслух, конечно же, не произнесла. Вздохнула только. Какие ж они упертые, эти американцы! Вот подавай им больного и неходячего Дениса Колюченкова, и все тут. Она, кстати, тоже не понимает этой упертости. Да чего там — самого стремления к усыновлению. Своих пятеро — зачем еще?

У нее, например, вообще ни одного нет, и слава богу, она совсем не страдает. Мало того, даже переживаний как таковых по этому поводу не понимает. В жизни и без того много разных событий, из-за которых пострадать можно, зачем же самому себе еще и создавать их искусственно? Не понимает она этого яростного стремления к усыновлению. Хотя, впрочем, и не должна. Ее дело — клиента ублажить, как той девушке самой древней профессии. И получить с него вовремя деньги за хороший, то бишь направленный в его пользу, юридический результат. А всякие сопутствующие ему страдания да переживания лучше до себя не допускать, и тему эту животрепещущую не обсуждать. Не залезать со своим уставом клиенту в голову, как говаривал старик Заславский. Раз такие упертые, значит, им так надо. А для нее есть одно основное правило — клиент всегда прав. Только вот неизвестно, чем дело закончится. Через неделю назначено по нему самое «распоследнее», самое решающее и окончательно-бесповоротное рассмотрение, аж в Президиуме Верховного суда...

— Лиз, я поеду с тобой в Москву? Завтра Дейл прилетает, вместе бы и отправились!

— Нет, Рейчел, ни к чему это. Одна съезжу. Я же ваш законный представитель. Все, что надо, сама скажу. Я знаю, что и как. Ты же мне доверяешь?

— Да, конечно. Но ведь ты скажешь, что мы не виноваты? Что это ваши чиновники не донесли вовремя куда-то там нужную бумагу...

— Да. Конечно, скажу. Обязательно.

А что, и скажет. Хотя кого она этим удивит? Никого. Про чиновников — это уже отдельная история, с прологом и эпилогом. Тут уж никакого писателя-сатирика Майкла-Михаэля не хватит, чтоб сюжет этот красиво и смешно рассказать.

Сразу после суда, на котором супругам Мак-Кинли было отказано в усыновлении, данные по Денису Колюченкову волшебным образом все-таки поступили в банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и тут же чиновники от опеки начали в ускоренном темпе «принимать меры» по устройству Дениса на воспитание в российскую семью. Однако, как после уточнялось в отчетах чиновников, «возможности такого устройства, к сожалению, не представилось». Надо же — к сожалению! Цинизм какой! Лиза прямо-таки представляла, как семейным парам, желающим взять на воспитание ребенка из детдома, демонстрируют маленького трехлетнего Дениса, с трудом к этому возрасту научившегося стоять в кроватке и держать свою большую воднистую голову на тонкой шейке.

— Рейчел, неужели Дэну и впрямь можно помочь? Что-то не верится... — задумавшись, тихо произнесла Лиза и тут же пожалела о ска-

занном. Ведь не раз и не два попадала в эту ловушку, потому что американка могла часами взахлеб трещать на эту тему, не замолкая ни на минуту — могла выдавать абсолютную информацию обо всех многочисленных медицинских диагнозах усыновляемого русского ребенка и существующих методах лечения. Она знала все последние новинки в этой области, изучила условия американских клиник по приему таких детей на лечение, и даже определенная сумма денег по ее настоянию была отложена супругом на отдельный, специально открытый для Дэна счет, банковскую выписку с которого он и должен был завтра привезти.

— А ты когда последний раз мальчика видела? — быстро переспросила Лиза, чтобы переменить медицинскую тему на более ей доступную. — Как он? Улыбается тебе? Узнает?

— Улыбается. Я каждый день к нему хожу. Меня уже там все знают. А хочешь, поедем туда вместе?

— Да я бы с удовольствием, но сама понимаешь, дела... Давай в другой раз, ладно?

— Хорошо, в другой так в другой.

Лиза облегченно вздохнула, допила свой кофе и выразительно глянула на часы. Времени-то и в самом деле в обрез... Да если бы и нет, все равно она туда, в детдом, больше ни за что не пойдет! Один раз по настоянию Рейчел побывала, на всю жизнь воспоминаний хватит. Долго потом отойти не могла. Не для Лизы это

все. Кому-то ничего, а для нее — пытка настоящая. Невозможно же на несчастных детишек смотреть, у них там глаза такие... Ждущие будто. Смотришь в них и чувствуешь себя сволочью, виноватой за всех матерей, вместе взятых, их вероломно бросивших... Хоть сквозь землю от стыда проваливайся. Нет уж. Лучше туда не ходить и никуда не проваливаться. И в глаза эти не смотреть.

— Так я побегу? Перед отъездом увидимся. Да и у Дейла банковскую выписку забрать тоже не помешает. Привет ему, кстати!

— Лиз, а как сама думаешь, решение будет в нашу пользу?

— Безусловно! Все будет отлично! Поборемся до последнего. Думай о хорошем, не надо заранее отчаиваться.

— Да я-то как раз и думаю... И надеюсь. Что еще мне остается?

— Вот и молодец! Все будет хорошо.

Лиза еще раз улыбнулась широко, красиво и ободряюще. Чисто по-американски. А про себя подумала, что вот она-то как раз и не уверена, что все будет так уж хорошо...

* * *

2

Выбила ее из колеи эта американка. Или не она, а снег, выпавший за ночь? В общем, день совсем не задался. Везде опоздала, куда только